

Капкан / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Капкан / рассказ КАПКАН

Я нелегально перешла границу города. Я сделала это случайно. Я шла, чтобы убить себя, я шла в полной темноте, я шла по минному полю, под звездами, потом я упала и покатила вниз, потом я почувствовала вокруг себя воду, неприятно пахнущую, я не хотела умирать в вонючей воде, я выбралась из воды на скользкий берег, после этого я, наверное, заснула, или потеряла сознание, может быть, я отравилась водой, утром я проснулась и увидела впереди себя лес, я никогда раньше не видела леса, я просто вошла в лес и шла по лесу вперед и вперед весь день, потом я снова спала, потом снова шла, и потом я вышла на дорогу, широкое шоссе, за которым я увидела город, и я просто вошла в город, просто пошла по улице, было очень раннее утро. Дома были высокими бетонными кубами, выстроенными в ряд, без просветов между собою, без окон, было невозможно узнать — есть ли кто-то внутри, что вообще внутри, но они не были похожи на жилые дома. Или на тюрьмы, на тюрьмы не были похожи тоже. И никаких охранников рядом. Я планировала быть уже давно мертвой к этому утру, но теперь я стала бояться за свою жизнь. Я пошла очень быстро, чтобы наконец дойти до какой-то нормальной улицы, где есть хоть какое-то укрытие — пространство, в котором можно спрятаться и отдохнуть. Но я еще и очень хотела есть. Улица не была сильно захламлена — скорее всего, здесь бывало очень мало людей в последнее время. И, конечно, не было других нарушителей чистоты — птиц, животных, насекомых. Воздух, однако, был довольно чистый. Я могла дышать и без маски. Я сняла ее и убрала во внутренний карман куртки.

У меня были родственники по фамилии Капкан. Она была красивая девочка и ее звали Сивилла, а ее брата звали Эрик, у него была тяжелая форма аутизма. Когда брат родился, его отец, доктор, упрашивал жену отдать ребенка в приют и забыть о нем, но мать

влюбилась в сына, она всегда была с сыном. У них была служанка, Джоанна – все это было в Южной Африке, во время апартеида – служанка была черной и у нее был маленький сын Лео, Лео всегда играл с Эриком, всегда сидел рядом с ним, Эрик и Лео были неразлучны, как братья. Джоанна подарила Эрику маленькую цветастую игрушку-шарманку, и маленький Эрик так полюбил эту игрушку, что все время крутил маленькую железную ручку и слушал и слушал – вместе с Лео – повторяющуюся мелодию, и все детство Сивиллы прошло в этой повторяющейся мелодии, Сивилла родилась раньше Эрика, они были погодки, но как только родился Эрик, все внимание перешло только к Эрику, так казалось Сивилле, она ненавидела Эрика, она его стеснялась, когда их видели вместе на улице, когда она сидела в машине рядом с Эриком и Лео – а Эрик обожал кататься на машине, поэтому, когда мама отвозила Сивиллу на занятия балльными танцами, Эрик и Лео всегда были рядом, и Сивилла просила маму остановить автомобиль за квартал до школы танцев, а утром в обычную школу ее отвозил папа на своем автомобиле, и ей не надо было ничего бояться и папа припарковывался у самой школы и она гордилась папой и хотела, чтобы все увидели, какой у нее папа, известный врач, большой человек, добрый, умный.

Когда кубические дома кончились, начался забор, такой же серый, бетонный, но пониже домов, и он длился недолго, мне было все равно, что за этим забором, скорее бы, скорее дойти до перекрестка, где хоть какая-то надежда на изменение пейзажа, и вот я дошла до перекрестка, широкого пересечения улиц, и наискосок слева я увидела пустырь (а вокруг, насколько я могла видеть – только кубические дома, уходящие вниз за горизонт; похоже, я стояла на вершине холма), и за этим пустырем – что-то блестящее, небольшое и блестящее. Ни одной машины. Я перебежала перекресток наискосок. Я побежала по пустырю, и наконец я увидела себя – в разбитом зеркале.

Эрик очень полюбил музыку, и родители купили ему пианино, он стал играть на пианино – он слушал пластинки вместе с Лео и играл то, что слышал на пластинках. Сивилла никогда не

приводила в дом никого из друзей, ей было очень страшно представить, как они будут шептаться и смеяться за ее спиной, все внутри нее превращалось в холодное железо – от ужаса быть отвергнутой девочками и мальчиками, на которых она так хотела быть похожей.

Я обошла дом – только одна стена его была зеркальной (крыша тоже была зеркальной), а три другие были обычными, выкрашенными, когда-то давным-давно, красной краской, стены были облупленные, в трещинах. Ржавая железная дверь была заперта. Окно было грязное, я ничего не могла увидеть сквозь стекло. Окно было старинным, с толстыми деревянными рамами. Я дотянулась до форточки и толкнула ее, и форточка открылась. И я вползла в нее, как змея. Я вползала в нее медленно. Мои глаза были сосредоточены на человеческом лице – мужчина спал на полу. Мне надо было прокрасться так, чтобы не разбудить его – мне необходимо было сделать пять простых вещей: сходить в туалет, принять душ (быстро), найти еду и питье, найти куда это все сложить – и незаметно со всем этим уйти. Я все сделала, я нашла рюкзак и положила туда консервные банки с едой и банки с пивом и сухари и печенье и даже нашлись конфеты, взяла нож, открывашку для банок, полотенца, свитер. Я не собиралась уходить отсюда навсегда. Но, уже оказавшись за дверью (изнутри она отпиралась без ключа), я поняла, что пока не хочу уходить. Я открыла незапертую дверь и поставила рюкзак на пол. Я подошла к спящему мужчине и легла рядом. Он не проснулся. Я закрыла глаза.

В 17 лет Сивилла забеременела. Она забеременела от мужчины возраста ее отца и вышла за него замуж, родилась дочка Каролина. С рождением дочери Сивилла вдруг почувствовала ужасное, уничтожающее раскаяние – она стала постоянно, днем и ночью (то есть он стал ей сниться) думать о своем брате и о том, каким чудовищем она была все свое детство по отношению к брату. Ей было очень стыдно, она терзалась стыдом за себя, она бы никогда теперь не смогла даже взглянуть на Эрика, она не хотела видеть отца и мать. Ей было стыдно перед Лео, который

стал для Эрика тем, чем должна была стать она. Ей было стыдно перед Джоанной. Через два года после свадьбы Сивилла и ее муж развелись, дочь осталась с мужем. Сивилла устроилась работать в благотворительную организацию помощи инвалидам. Проработав некоторое время в этой организации, она вышла замуж за парализованного мужчину, намного старше нее.

Я открыла глаза, внезапно вокруг было очень светло — я поняла, что я заснула, хотя мне казалось, что я закрыла глаза только на минуту. Мужчина рядом все еще спал. Теперь можно было разглядеть его. Ему было лет 30, гладкие щеки, щетина только на подбородке, темные волоски вылезли из глубины желтой кожи, тонкие губы, чуть заметный шрам в уголке верхней губы, брови светлые и густые, на широкой переносице — штрихи светлых волос, выше — маленькая полусфера жировика, уши несимметричные, левое ухо немного загнуто наверху, щетина на кадыке, плечи широкие, лежит на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Я медленно, осторожно встала, прошла к рюкзаку, вытащила из рюкзака нож, тихо на цыпочках вернулась к мужчине, нагнулась над ним, и вонзила нож в его грудь, там, где должно быть сердце, нож вошел легко, надо было чуть надавить вначале, но потом сердце мужчины само втянуло его в себя.

Сивилла завела роман со своим дядей, братом отца, он увозил ее на море и там они проводили целые дни. Она бросала парализованного мужа дома одного, но он как-то сам справлялся, и когда она возвращалась домой поздно — дядя подвозил ее к дому — муж никогда ни в чем ее не упрекал. Однажды вечером она сказала мужу, что уезжает на всю ночь, он спросил, когда она собирается вернуться, он не спрашивал ее, зачем и куда она едет, Сивилла ответила, что вернется к завтраку, она подошла и поцеловала его в губы. Муж Сивиллы был старше ее отца. Он был красивым мужчиной, он был большой (высокий, если бы мог ходить), у него был красивый горбатый нос и густые седые волосы. Он сидел в инвалидном кресле, потому что у него был сломан позвоночник, во время автомобильной катастрофы, но у него были сильные руки, он легко крутил колеса кресла,

передвигаясь по дому. «Я люблю тебя,» — сказал муж Сивилле. «Я люблю тебя,» — ответила Сивилла. И она пошла к выходу, стуча каблуками, открыла дверь, захлопнула ее, и прижалась к стенке у двери, вжалась в стенку, спряталась за шкафом. Стала ждать.

Меня удивило, что совсем не было крови. Я еще никогда не убивала людей до этого, но я знала, что кровь всегда стремится наружу. Я начала подозревать, что все здесь не вполне реально — это объясняло и странные кубические дома без окон, и лес — я знала, что уже нигде нет леса, как может быть так много леса, что сквозь него мне надо было идти весь день. Но еда, которую я ела, была настоящей, и пиво, которое я пила, тоже было просто пивом, я немного опьянела. Я была счастлива. У меня так давно не было дома со стенами, с крышей, даже с окном. Я чувствовала себя животным, которое наконец вырвалось на свободу. При этом моя свобода была в возможности побыть взаперти. Я даже нашла сигареты. Но я не стала их курить внутри, я спрятала их поглубже в рюкзак, чтоб не промокли, если что. Конечно, я не останусь тут надолго, надо двигаться, но я попробую понаслаждаться жизнью до следующего утра.

Сивилле не пришлось долго ждать — она услышала шаги. Она услышала стук босых пяток, стук босых пяток по ее сердцу, он шел по ее сердцу — он его топтал. Она оттолкнулась от стены. Стук ее каблуков. Молчание пяток. Парализованный муж стоял в дверях комнаты. Он шел на кухню перекусить. Он симулировал инвалидность, чтобы получать страховку после автомобильной аварии. Все это время он притворялся парализованным. Сивилла развелась с мужем.

Моя мечта — сбежать с этой планеты. Мне надо добраться до реального города, я знаю, что он есть. Я есть, есть реальный город, есть другие планеты. Главное, надо идти вперед. Я знаю, что у меня получится сбежать с этой планеты.

Последний раз Сивиллу видели садящейся на заднее сиденье мотоцикла, управляемого молодым мужчиной. Ее видели уезжающую куда-то с этим мужчиной, и больше ее не видели. Эрик продолжал

играть на пианино и слушать пластинки с классической музыкой. Лео пропал из виду – он повзрослел и у него началась своя жизнь. Апартеид закончился, Южная Африка стала свободной страной. Джоанна состарилась и перестала работать в семье Эрика. Мама Эрика тоже состарилась, она не могла больше ухаживать за Эриком. Папа Эрика отвез его в приют для инвалидов. Пианино и игрушка-шарманка переехали вместе с ним. Пианино поставили в холле, и Эрик часто сидел за ним и играл свои любимые «Грезы любви». Шарманка тогда стояла на пианино. Когда его уводили, он забирал ее с собой. Он никогда с ней не расставался. Она уже давно сломалась, ручка перестала крутиться, но музыка в ней, внутри, осталась, он это знал.

Об авторе: ЛИДА ЮСУПОВА

Авторка трех поэтических книг, «Ирасалимль», «Ритуал С-4», «Dead Dad» и книги прозы «У любви четыре руки» (совместно с Маргаритой Меклиной). Лауреатка поэтической премии «Различие» 2017 года, отмечающей «книги, в которых поэзия становится исследованием» – за книгу «Dead Dad». Специальный приз конкурса «Со-творчество» в номинации «Произведения о слепоглухих/слепоглухоте» (2019). Публикации в журналах «Воздух», «Митин журнал», «Modern Poetry in Translation», «St. Petersburg Review» и других. Стихи переведены на английский, французский, украинский, литовский, чешский, иврит и польский языки. Сейчас живет в Белизе (Центральная Америка), на коралловом острове Амбергис в Карибском море. Neкаýalar